

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

ЗАХВАТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ

ТРУБНИКОВА Екатерина Ивановна – д-р экон. наук, доцент, проф. кафедры экономики и управления, Самарский государственный экономический университет. E-mail: ei.trubnikova@gmail.com

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию отдельных аспектов отечественной системы образования. Внимание уделяется наличию формальных и неформальных механизмов, способствующих захвату регулирования и извлечению ренты действующими акторами. Проанализированы возможности оппортунистического поведения со стороны администрации высшего учебного заведения. Представлен анализ источников извлечения ренты, приведены примеры использования административного ресурса. В качестве источника ренты может выступать нецелевое использование институтов, реализованное через разнообразные механизмы. При этом источником формирования ренты могут служить как внутренние регулирующие документы, так и внешние по отношению к организации нормативные акты. В статье рассматриваются негативные тенденции, а также рост возможностей рентоориентированного поведения субъектов сферы образования.*

***Ключевые слова:** коррупция, рента, рентоориентированное поведение, конфликт интересов, захват регулирования, формальный контракт, неформальные отношения, административный ресурс, рыночные механизмы, сигнал, сигнальная атрибутика*

***Для цитирования:** Трубникова Е.И. Захват регулирования образовательной среды: анализ отдельных аспектов // Высшее образование в России. 2016. № 11 (206). С. 38–46.*

Введение

В любой сфере деятельности имеют место многоликость и многогранность, существуют крайности и перегибы. Проблемы в российской системе науки и образования представлены многочисленными исследованиями, подчёркивающими необходимость перемен в институциональной среде [1], приводящими факты разрушения академической среды [2]. В этой связи С.Б. Серякова и Л.Ф. Красинская отмечают негативное отношение представителей ППС к проводимым образовательным реформам [3], а Л. Полищук подчёркивает значительность урона, нанесённого ими институту высшего образования России [4]. В СМИ присутствует мнение, что образование в России находится на «границе катастрофы», что оно «в очередной раз стало жертвой авторитаризма» [5], обсуждаются возмож-

ные цели регулирования: «Главная идея, исходный замысел реформаторов – оптимизация бюджетных расходов с возможным последующим перераспределением собственности учебных заведений» [6].

Отдельные индустрии обладают «особой готовностью» к рентоизвлечению. В странах с высоким уровнем экстрактивных экономических институтов (extractive institutions – в терминологии Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [7]) факты *захвата регулирования* присутствуют в огромном количестве – как на уровне государственного управления и распределения ресурсов, так и на локальном уровне организации. В данных условиях институты по извлечению ренты становятся более вариантными и многообразными, что накладывает отпечаток и на локальный уровень организации того или иного вида деятельности; особенно это от-

носятся к высокорегулируемым сферам, в том числе к системе образования.

Рентоориентированное поведение в системе образования

Захват регулирования (*regulatory capture*) возникает, когда регулирующий орган, созданный, чтобы действовать в интересах общества, вместо этого продвигает коммерческие или политические интересы отдельных групп, которые доминируют в регулируемой отрасли. Анализ ситуаций захвата регулирования в различных секторах экономики широко представлен в научной литературе [8]. Однако регулирование может быть подвержено захвату не только на уровне страны, региона, индустрии, но и на уровне организации. Под захватом регулирования локального уровня мы понимаем ситуацию, когда формирование внутренних регламентирующих документов организации происходит в угоду интересам отдельных групп внутри организации. Это могут быть различные стимулирующие положения, коллективный договор, трудовой контракт между сотрудником и организацией (в том числе эффективный контракт), должностные инструкции, регламенты, закрепляющие выделение и распределение ресурсов за конкретными сотрудниками, стратегия развития организации (документ может предполагать развитие одних структур внутри организации за счет снижения мотивации других структур), другие значимые для организации документы. Мы исходим из предположения, что действия менеджмента организации должны служить цели повышения показателей ее деятельности. В случае же захвата регулирования на уровне организации администрация использует внутренние документы организации для получения личных выгод. Рентоориентированное поведение, как и захват регулирования на уровне организации или на более высоком уровне, всегда выглядит непривлекательно как с точки зрения сотрудника органи-

зации, попавшей под захват, так и с точки зрения общественных интересов. Многие исследования отмечают возможность извлечения ренты и использования административного ресурса как весомый фактор, влияющий на сферу науки и образования.

В современных условиях сосуществуют и добросовестные вузы, и организации-оппортунисты (в терминологии А. Полищук [4]). Паттерны поведения, мотивационные механизмы и иные характеристики в этих двух группах организаций диаметрально противоположны. Захват регулирования на локальном уровне организации имеет негативные последствия для всего общества. Кроме того, в условиях захвата регулирования все субъекты активности: преподаватели, студенты, потребители услуг системы образования – испытывают негативные воздействия. Более того, негативные последствия могут проявиться и в деятельности добросовестных вузов. Исследователи отрасли подчеркивают, что «формальные показатели легко фальсифицируются» [9], поэтому для группы, захватившей регулирование, не составляет труда имитировать определенные показатели работы. А.Ф. Красинская обращает внимание на «вопиющую» разницу в зарплатах управленческого и профессорско-преподавательского состава, также отмечает, что даже в условиях эффективного контракта «произвол администрации» может иметь тенденцию к увеличению [10]. Х.Г. Тхагапсоев и М.Б. Сапунов констатируют, что «в стране уже сложился и превосходно себя чувствует тип ректора (директора), который без особого труда трансформирует государственный вуз (колледж, школу) в частный бизнес, приносящий ему и его ближайшим сподвижникам миллионные доходы на общем униizedном фоне зарплат преподавателя» [11].

В качестве источника ренты для организации-оппортуниста может выступать нецелевое использование институтов, реализованное через разнообразные механизмы:

эксплуатацию информационной асимметрии, манипулирование институтами, использование института в качестве прикрытия и подчинение институтов. В случае эксплуатации информационной асимметрии администрация учебного заведения делает вид, что следует правилам, в действительности нарушая их для получения личной выгоды. Манипулирование институтами и использование их для прикрытия могут служить цели скрыть истинные интересы лиц, принимающих решение, как со стороны администрации учебного заведения, так и со стороны иных участников образовательного процесса (например, контролирующих органов). В случае подчинения института он превращается в «эксклюзивный источник ренты» для отдельных групп экономических субъектов.

При этом по источнику формирования ренты мы можем выделить:

- ренту, сформированную внутренними регулирующими документами;
- ренту, сформированную внешними нормативными актами.

В качестве источника для манипулирования и извлечения ренты на локальном уровне в среде науки и образования можно выделить следующие процессы:

- предоставление работы [12] (конкурсные вопросы, продолжение трудового контракта, процесс распределения на грузки, должности-синекуры);
- оценивание исполнителя (сотрудника) [13]. Сюда можно отнести получение званий, защиту диссертации, начисление денежных премий, оценку публикации, конкурсы, рейтинги, возможности получения иных видов стимулирования;
- оценивание потребителя (зачеты, экзамены, аттестация, выделение мест, прием в аспирантуру, докторантуру, магистратуру).

Рентоизвлечение, связанное с внутренними документами организации, является примером подчинения институтов, который может найти отражение в высоком уровне

неравенства доходов внутри организации, в предоставлении неравномерных и неправных возможностей при доступе к ресурсам, в иных видах предпочтений одним группам сотрудников с использованием внутренних нормативных актов.

Рента, сформированная внешними нормативными актами, может представлять собой пример как эксплуатации информационной асимметрии, так и манипулирования существующими институтами либо использования института в качестве прикрытия. К примеру, если исходить из предположения, что государственные интервенции и изменение регламентирующих документов всегда означают улучшение качества, увеличение эффективности или получение иных выгод для общества, и не допускать мысли, что «изменения делаются ради самих изменений», то, видимо, можно ожидать, что частая модификация государственных стандартов обучения в сфере высшего образования также преследует одну из благих целей. Однако государственные стандарты становятся, по всей видимости, всё лучше, а образование по какой-то непонятной причине — всё хуже, что отмечают многочисленные исследователи. Приведём слова профессора Х.Г. Тхагапсоева: «Изобретение отечественной бюрократии — ГОСы, которые лишь в фантазиях чиновника являются “маяком и ориентиром развития”, на деле же выступают инструментом установления ограничений в развитии, управления сверху» [14].

При этом рента может быть сформирована не только самими регламентирующими документами, но и их трактовкой проверяющими органами. Нормативные акты могут содержать столь расплывчатые инструкции, что требования проверяющих органов могут сильно диссонировать как с текстом документа, так и с целями регулятора. Согласно требованиям государственных стандартов по многим специальностям преподавание дисциплин должно осуще-

ствляться преподавателями, имеющими соответствующее образование (при оценке вуза, в числе прочего, используется показатель соответствия требованиям ГОС/ФГОС ВПО/ФГОС ВО доли преподавателей, имеющих базовое образование, соответствующее профилю преподаваемых дисциплин по основной образовательной программе), что многими вузами трактуется как необходимость получения преподавателем дополнительного образования. Следует отметить, что в большинстве случаев это объясняется в первую очередь требованиями именно контролирующих структур и желанием администрации вуза снизить претензии проверяющих органов. В итоге доктора и кандидаты наук, имеющие непрофильное базовое образование (например, кандидаты и доктора экономических наук, имеющие базовое техническое, филологическое или иное, отличное от экономического, образование) или же имеющие профильное образование, но отличное от наименования читаемых дисциплин, вынуждены, несмотря на наличие ученой степени в данной области (в т.ч. несмотря на обучение в очной аспирантуре, докторантуре), признанных научных заслуг и многолетнего опыта преподавания данных дисциплин, проходить дополнительное обучение в магистратуре своего или другого вуза. Это обстоятельство создает нагрузку (а также доход) для вузов, осуществляющих подготовку магистров по востребованным специальностям, но при этом зачастую может лишить возможности выпускников бакалавриата получить бюджетное место. Имеют место прецеденты, когда места в магистратурах (в том числе за счет средств бюджета) заняты сотрудниками ППС, имеющими ученую степень, а не выпускниками бакалавриата. Было бы забавно представить Мориса Алле (Нобелевская премия по экономике 1988 г.), сидящего за партой рядом со студентами экономических специальностей, потому что его базовое образование в области физики и механики не давало бы

ему права преподавать экономические дисциплины.

При классификации по объекту рентоизвлечения можно выделить следующие виды ренты:

- рента, извлекаемая из регулируемой организации. В данном случае потери извлечения ренты несут как представители ущемленных групп внутри самой организации, так и общество в виде потерь бюджета (затраты бюджета, не идущие на увеличение выгод общества) и потерь потребителей образовательных услуг (и обучаемых, и работодателей);
- рента, извлекаемая из группы исполнителей (представителей ППС);
- рента, извлекаемая из потребителей услуг (студентов, абитуриентов);
- рента, извлекаемая из связанных организаций (вышестоящих, контролирующих или иных сторонних организаций, с которыми у вуза существуют формальные или неформальные взаимоотношения).

Захват регулирования на локальном уровне с неадекватным перекосом доходов внутри вуза можно ассоциировать с рентой первой и второй групп. В данном случае в вузе процветает институт синекур, имеет место распределение вакансий на основе родственных и иных связей, разрыв в заработной плате руководства и рядовых сотрудников. Зачастую ректорат вузов может включать несколько представителей одной фамилии.

Рента, извлекаемая из потребителей, может быть представлена, например, фактами «детского рэкета» – «ненавязчиво [го] «вымогания[я]» у студентов и их родителей подарков для кафедры вуза в виде оргтехники» [2]. Также в эту группу можно отнести «выгоды» вуза от заочного обучения. Например, по мнению Я. Кузьминова, В. Мау, С. Синельникова-Мурылева, заочное образование в России «зачастую является для вузов лишь легким способом получения доходов при практическом отсутствии какого бы то ни было серьезного

обучения» [9]. Хотя следует заметить, что даже в случае с заочным обучением организация может предоставлять качественные услуги, однако при этом руководство вуза-оппортуниста может извлекать ренту от неравноправного (и несправедливого) доступа к их получению. Данный вид извлечения ренты был широко представлен теневым распределением бюджетных мест, которое имело место в советский и постсоветский период времени, в отношении привлекательных с точки зрения потребителя специальностей. На настоящий момент данная категория также имеет распространение, например, благодаря возможности распределения мест в магистратуре, аспирантуре, докторантуре. В СМИ представлены факты обучения в магистратуре чиновников, сотрудников администрации вуза, а также их родственников.

Исследователи также отмечают, что существуют неформальные практики снижения нагрузки (отказ от обновления материалов; дополнительная самостоятельная работа для студентов; поверхностная проверка работ; непринципиальное оценивание обучаемых) [15]. По мнению Е.В. Балацкого, «многие вузы давно перешли к политике “закрытия глаз” на отсутствие знаний» [2]. Могут иметь место факты обучения студента вплоть до выпускного курса с «хвостами» с первого года обучения — с целью сохранить денежные средства в бюджете вуза. В данном случае страдают преподаватели старших курсов из-за недостатка у обучающегося базовых знаний. Желание администрации вуза соответствовать требованиям проверяющих органов по всем показателям, в том числе по таким, как «доля студентов, освоивших дисциплины федерального компонента ГОС ВПО» и «доля студентов, имеющих положительные оценки по результатам ... аттестации», также может содействовать завышению оценок обучаемых.

Источником ренты, извлекаемой из исполнителей, чаще всего являются либо

сами нормативные и регламентирующие документы, либо их трактовка администрацией организации или проверяющими и контролирующими структурами (как в описанном случае с ГОСами или, например, в случае получения ученого звания) [13].

Извлечение ренты из связанных с вузом организаций может быть представлено теневым распределением грантов, побед в конкурсах, тендерах, получением иных преференций. При этом может иметь место двунаправленное извлечение ренты, когда обе стороны (лица, принимающие решение, например, и в контролируемой, и в подконтрольной организации) получают выигрыш от наличия неформальных взаимоотношений. Например, в научных фондах происходит «ожесточенн[ая] борьб[а] различных научных коалиций и бюрократических группировок... [б]ольшая часть грантов лоббируется, заявки контролируются» [16]. Процедура контроля при проведении верификации характеристик не может исключить наличия личной субъективной заинтересованности того или иного субъекта, принимающего решение на каком-то шаге контроля, в вынесении положительного или отрицательного вердикта. В результате анализа нескольких конкурсов, проводимых в разных регионах РФ, можно сделать вывод о том, что финансовую поддержку получают далеко не самые активные в научных исследованиях претенденты, а также о возможности выделения для финансирования тех исследований, которые аффилированы или по тем или иным мотивам интересны для представителей конкурсной комиссии.

Следует признать наличие попыток регулятора снизить возможности рентоизвлечения администрацией вуза в случае с модификацией внутренних документов и обязать исполнителей к транспарентности (например, через требование о декларации доходов топ-менеджеров учебных заведений) и тем самым уменьшить вероятность рентоориентированного поведения. Одна-

ко возможности для использования служебного положения и извлечения ренты существуют даже в этих случаях: например, денежные средства могут быть выплачены сотруднику, доход которого не подлежит декларированию, родственнику или иному лицу, имеющему аффилиацию с руководством и входящему в «inner circle». Хотим подчеркнуть, что высокий уровень доходов ненаучных сотрудников вузов, разумеется, не говорит о рентоориентированном поведении в организации, но наводит на размышления.

Исследование А.Ф. Красинской показывает, что в вузах формируются две касты сотрудников: «привилегированные топ-менеджеры» и «научно-педагогические пролетарии», что увеличивает возможность административного давления и изгнания несогласных [10]. Е.В. Балацкий отмечает, что необходимы дополнительные нормативы структуры затрат на оплату труда основного и административного персонала [17]. Разумеется, нельзя утверждать, что данное явление является специфичным для отечественных учебных заведений. Каждый случай может быть уникальным. Однако анализ публикаций исследователей данной сферы может привести к заключению, что любое учебное заведение может быть захвачено группой рентоориентированных игроков.

Проблема захвата регулирования локального уровня усугубляется наличием родственных связей в вузовской сфере, где достаточно распространена «семейственность», когда члены одной семьи работают в рамках одного учебного заведения. Данное обстоятельство не только позволяет увеличить доход близким к администрации сотрудникам, но также имеет и другое негативное последствие: делает любого представителя ППС уязвимым по отношению к действиям администрации. Если один из членов семьи входит в круг лиц, принимающих решения (ректорат, ученый совет и т.д.), то любые возражения против дей-

ствий администрации могут поставить под удар и всех представителей фамилии. Поэтому при любом голосовании такие сотрудники (вынужденно – при несовпадении интересов, или добровольно – при их совпадении) принимают позицию администрации и поддерживают даже невыгодные для себя или несправедливые для иных сотрудников решения.

При этом необходимо подчеркнуть, что рентоориентированное поведение не всегда означает коррупцию, часто оно находится в рамках, допустимых законом, и не может подпасть под санкции со стороны проверяющих органов. Группа, осуществившая захват локального уровня, может достаточно долго находиться в положении рентоизвлечения. Выявить такое положение со стороны практически не представляется возможным. Формальный контракт с ППС, а также коллективный договор не предусматривает (в большинстве своем и не может предусмотреть) защиту проигравших от захвата организации, что практически исключает афиширование ситуации как со стороны сотрудников, так и со стороны потребителей услуг. Пока сотрудник работает в рамках захваченной организации или пока студент обучается в вузе, он будет вынужден соглашаться с существующими условиями. Как отмечает Я.И. Кузьминов, интересы университета и учащихся могут игнорироваться, «пока это не становится очевидным на уровне нарушения небольшого числа формальных правил» [18].

Следует отметить, что финансовая поддержка выделенных регулятором учебных заведений может создать дополнительные источники ренты для их администрации. Зачастую можно наблюдать активную поддержку вузов, которые проигрывают другим вузам региона по многим показателям. Позиция администрации выделенных регулятором учебным заведениям, предоставление неравноправного доступа к ресурсам и возможностям, а также неравномерное распределение бюджетных ассигнований

могут привести к оттоку высококвалифицированных кадров из учебного заведения. В итоге кадры перетекают в один вуз, а бюджетные средства – в другой, что создает почву для рентоизвлечения и усугубляет проблемы сферы образования. Преподавателю со стороны может быть трудно и даже невозможно получить позицию в выделенном регулятором и активно финансируемом вузе (даже в условиях низкой оспетченности его сотрудников) в силу поведения представителей администрации. Конкурентные механизмы в данных условиях не работают. С другой стороны, преподаватель нередко не может сменить учебное заведение в силу имеющихся неформальных правил. Так, например, в ситуации, когда между ректорами отдельных вузов существует договоренность не переманивать «чужих» докторов наук, переходы из одного учебного заведения в другое затруднительны. В итоге отдельные исследователи переходят в другие сферы деятельности.

Топ-менеджер государственной организации всегда будет испытывать искушение использовать административный ресурс, пока его поведение не будет сдерживаться формальными ограничениями.

Заключение

В случаях захвата регулирования на уровне организации наблюдается стратификация коллектива вуза, в условиях которой разным группам внутри коллектива предоставляются неравнозначные возможности для профессионального развития [19]. Решением проблемы могло бы стать снижение бюрократизации высшего образования. Институциональные изменения, такие как уменьшение роли административного персонала, поддержка творческого начала и инициатив «снизу», создание правовых основ для формирования авторских подходов в преподавании, могли бы способствовать появлению подлинного рынка образовательных услуг.

Литература

1. Бабинцев В.П. Бюрократизация регионального вуза // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 30–37; Севостьянов Д.А., Гайнанова А.Р. Ценности образования: инверсия смыслов // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 43–48.
2. Балацкий Е.В. Истощение академической ренты // Мир России. 2014. № 3. С. 150–171.
3. Серякова С.Б., Красинская Л.Ф. Реформа высшего образования глазами преподавателей: результаты исследования // Высшее образование в России. 2013. № 11. С. 22–30.
4. Полищук А. Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 28–45.
5. Адамский А.И. Пагубная самонадеянность // Новая газета. 2015. 9 ноября (Вып. 123).
6. Трушин А. Стесненное высшее // Ъ-Огонек. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2889431>
7. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Publishers, 2012.
8. Stigler G.J. The theory of economic regulation // The Bell journal of economics and management science. 1971. P. 3–21; Laffont J.-J., Tirole J. The politics of government decision-making: A theory of regulatory capture // The Quarterly Journal of Economics. 1991. P. 1089–1127; Levine M.E., Forrence J.L. Regulatory capture, public interest, and the public agenda: Toward a synthesis // Journal of Law, Economics, & Organization. 1990. No. 6. P. 167–198.
9. Кузьминов Я., Мау В., Синельников-Мурылев С. Страна, где много-много плохих вузов. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/37/strana_gde_mnogo_plohih_vuzov/
10. Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73–81.
11. Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 87–97.
12. Трубникова Е.И. Транзакционные

- издержки деятельности работника высшей школы // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 123–128.
13. *Trubnikova E.* The elements of recursive control in the education system of the Russian Federation // Journal of Entrepreneurship & Innovation / University of Ruse, Bulgaria. 2015. Issue 7, Year VII.
 14. *Тхагапсоев Х.Г.* Университет в современной России: технология как стратегический горизонт? // Высшее образование в России. 2011. № 4. С. 58–61.
 15. *Назарова И.Б.* Вызовы для российских университетов // Высшее образование в России. 2015. № 8-9. С. 61–67.
 16. *Балацкий Е.В.* В поисках академической ренты // Капитал страны. Федеральное Интернет-издание. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/247529>
 17. *Балацкий Е.В.* Эффективность управления российскими университетами: коллизии и эксцессы // Общество и экономика. 2014. № 5. С. 146–164.
 18. *Кузьминов Я.* Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени // Контракты в академическом мире / Сост. и науч. ред. М.М. Юдкевич. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 392 с.
 19. *Сенашенко В.С., Халин В.Г.* Об эффективном контракте в высшей школе России // Высшее образование в России. 2015. № 5. С. 27–36.

Статья поступила в редакцию 20.09.16.

REGULATORY CAPTURE OF THE HIGHER EDUCATION AREA: THE ANALYSIS OF SOME ASPECTS

TRUBNIKOVA Ekaterina I. – Dr. Sci. (Economics), Prof., the Department of Economics and Management, Samara State University of Economics, Samara, Russia. E-mail: ei.trubnikova@gmail.com

Abstract. The article investigates certain aspects of the national higher education system of Russian Federation. Special attention is paid to the presence of formal and informal mechanisms that facilitate the capture of regulation and rent extraction by the existing actors. The article presents an analysis of possibilities of opportunistic behavior of the administration of a higher education organization. As a source of the rent there might be inappropriate use of the institutions facilitated by the various mechanisms. In this case this source can be warranted by the internal regulatory documents of the organizations, as well as the external legal statutes. The research also presents analysis of rent extraction sources and examples of the use of administrative resources. The article points out the negative trends and growth of opportunities of rent-seeking behavior of the actors of this market.

Keywords: corruption, rent, rent-seeking behavior, conflict of interest, regulatory capture, formal contract, informal relations, administrative resource, market mechanisms, signal, signal attributes

Cite as: Trubnikova, E.I. (2016). [Regulatory Capture of the Higher Education Area: the Analysis of Some Aspects]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 11 (206), pp. 38-46. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Babintsev, V.P. (2014). [Bureaucratization of a Regional University]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 2, pp. 30-37. (In Russ., abstract in Eng.); Sevostyanov, D.A., Gainanova, A.R. (2014). [Value of Education: Inversion of Meanings]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 2, pp. 43-48. (In Russ., abstract in Eng.)
2. Balatskii, E.V. (2014) [Depletion of Academic Rent]. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 3, pp. 150-171. (In Russ., abstract in Eng.)

3. Seryakova, S.B., Krasinskaya, L.F. (2013). [Reorganization of Higher Education Through the Eyes of Teachers: the Results of Research]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 11, pp. 22-30. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Polishchuk, L. (2008). [Misuse of Institutions: Causes and Consequences]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. No. 8, pp. 28-45. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Adamskii, A. (2015). Pagubnaya samonadeyannost' [Pernicious Conceit]. *Novaya Gazeta*. November 9, No. 123. (In Russ.)
6. Trushin, A. (2016). *Stesnennoe vysshee* [Restricted Higher Education]. "Б"-Ogonek. 2016. 18.01. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2889431> (In Russ.)
7. Acemoglu, D., Robinson, J.A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, Crown Publishers.
8. Stigler, G.J. (1971). The Theory of Economic Regulation. *The Bell Journal of Economics and Management Science*, pp. 3-21; Laffont, J.J., Tirole, J. (1991). The Politics of Government Decision-making: A Theory of Regulatory Capture. *The Quarterly Journal of Economics*, pp. 1089-1127; Levine, M.E., Forrence, J.L. (1990). Regulatory Capture, Public Interest, and the Public Agenda: Toward a Synthesis. *Journal of Law, Economics, & Organization*. No. 6, pp. 167-198.
9. Kuz'minov, Ya., Mau, V., Sinel'nikov-Murylev, S. (2009). *Strana, gde mnogo-mnogo plokhih vuzov* [A Country Where There Are Many, Many Bad Universities] Available at: http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/37/strana_gde_mnogo_plohih_vuzov (In Russ.)
10. Krasinskaya, L. (2016). [Modernization, Optimization, Bureaucracy... What Awaits Higher School Tomorrow?]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 3, pp. 73-82. (In Russ., abstract in Eng.)
11. Tkhaapsoev, Kh.G., Sapunov, M.B. (2016). [The Russian Educational Reality and Its Converted Forms]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 6, pp. 87-97. (In Russ., abstract in Eng.)
12. Trubnikova, E. (2011). [Transactional Costs of the Worker of Higher School]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 6, pp. 123-129. (In Russ., abstract in Eng.)
13. Trubnikova, E. (2015). The Elements of Recursive Control in the Education System of the Russian Federation. *Journal of Entrepreneurship & Innovation*. University of Ruse, Bulgaria. No. 7 (VII).
14. Tkhaapsoev, Kh.G. (2011). [University in Modern Russia: The Technology as a Strategic Horizon?]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 4, pp. 58-61. (In Russ., abstract in Eng.)
15. Nazarova, I.B. (2015). [Challenges for Russian University and Scholars]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 8-9, pp. 61-68. (In Russ., abstract in Eng.)
16. Balatskii, E.V. [In Search of the Academic Rent]. *Kapital strany*. Federal'noe Internet-izdanie [The Capital of the Country. The Federal Internet-resource]. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/247529> (In Russ.)
17. Balatskii, E.V. (2014). [The Effectiveness of the Russian University Management: Conflicts and Excesses]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics]. No. 5, pp. 146-164. (In Russ., abstract in Eng.)
18. Kuz'minov, Ya. (2011). [The Academic Community and Academic Contracts: Challenges and Responses from Recent]. *Kontrakty v akademicheskom mire* [Contracts in the Academic World]. M.M. Yudkevich (Ed.). Higher School of Economics Publ., pp. 392. (In Russ.)
19. Senashenko, V.S., Khalin, B.G. (2015). [On the Effective Contract in Higher School of Russia]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 5 pp.27-36 (In Russ., abstract in Eng.)

The paper was submitted 20.09.16.